

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-91-116



А.А. Вершинин

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В КОНТЕКСТЕ
ГЕНЕЗИСА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

A.A. Vershinin

**MUTUAL PERCEPTION OF THE GREAT
POWERS IN THE CONTEXT OF THE
GENESIS OF THE WORLD WAR II
(THE CASE OF SOVIET-FRENCH RELATIONS)**

Аннотация. Проблема восприятия в международных отношениях давно изучается в политологии, однако историки до сих пор не уделяли ей достаточного внимания. Между тем взгляд через ее призму на известные события позволяет сделать новые выводы об их истоках. Плодотворным полем для апробирования этого подхода может служить предыстория Второй мировой войны и ее ключевой эпизод — провал попыток сдержать гитлеровскую агрессию в Европе совместными усилиями Франции и Советского Союза. Для военно-политических элит Франции СССР являлся опасным в непредсказуемости своей политики, но внутреннее непрочным

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН

Vershinin Aleksandr Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Russia in the Twentieth and Twenty First Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)»).

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-00622 “Strategic Culture of the Great Powers in the Twentieth and Twenty First Centuries: A Comparative Historical Study (Russia and the USA)”).

государством. Эта презумпция нивелировала в глазах французов все успехи советского руководства в модернизации страны и вооруженных сил. Обострение военной опасности в Европе после 1933 г. побудило Париж лишь предложить Москве роль рядового участника системы коллективной безопасности, которая, исходя из опыта Первой мировой войны, проектировалась как новая модель развития международных отношений, минимизирующая конфликтное взаимодействие между государствами. Советское руководство смотрело на Францию как на лидирующую империалистическую державу, ставящую во главу угла антисоветские цели, но ситуационно заинтересованную в ограничении германского экспансионизма. При этом в Москве полагали, что советско-французское сотрудничество может быть эффективно лишь в формате равноправного стратегического альянса, направленного на сдерживание потенциального агрессора. Этот подход отвергался французской дипломатией, шедшей в русле политики умиротворения, что явилось источником глубокого кризиса в двусторонних отношениях в момент заключения Мюнхенских соглашений 1938 г. Крах умиротворения в начале 1939 г. привел к резкому повороту французского руководства к стратегическому планированию возможной войны, что создало окно возможностей для договоренности с СССР. Но инерция старых предубеждений лишила практического содержания трехсторонние англо-франко-советские переговоры весной–летом того же года, что, в свою очередь, открыло путь к советско-германскому соглашению.

Ключевые слова: восприятие в международных отношениях, кризис Версальской системы, Вторая мировая война, советско-французский пакт о взаимопомощи, Мюнхенские соглашения, англо-франко-советские переговоры.

Abstract. Perception in international relations has long been studied in political science, but historians have not paid sufficient attention to it so far. Meanwhile, looking at known events through its prism allows us to draw new conclusions about their origins. The prehistory of World War II and its key episode — the failure of attempts to deter Hitler's aggression in Europe through the joint efforts of France and the Soviet Union — can serve as a fruitful field for testing this approach. For the military and political elites of France, the USSR was dangerous due to its unpredictability, but an internally fragile. This presumption leveled all the successes of the Soviet leadership in modernizing the country and the armed forces in the eyes of the French. The increased military danger in Europe after 1933 prompted Paris merely to offer Moscow the role of an ordinary participant in the system of collective security, which was based on the experience of World War I and designed as a new model for the development of international relations and minimization of conflicts between countries. The Soviet government viewed France as a leading imperialist power that prioritized anti-Soviet goals, but had a situational interest in limiting German expansion. At the same time, Moscow believed that Soviet-French cooperation could be effective only as an equal strategic alliance aimed at deterring a potential aggressor. This approach was rejected by French diplomacy, which followed the policy of appeasement. It was a source of a deep crisis in bilateral relations at the time of

the 1938 Munich agreements. The collapse of appeasement in early 1939 led to a sharp turn by the French government to strategic planning for a possible war and created a window of opportunity for an agreement with the USSR. However, the inertia of old prejudices deprived the tripartite Anglo-French-Soviet negotiations in the spring and summer of 1939 of their practical content and opened the way for a Soviet-German agreement.

Keywords: perception in international relations, crisis of the Versailles system, World War II, Soviet-French Mutual Aid Pact, Munich agreements, Anglo-French-Soviet negotiations.

* * *

В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны ее исследователи в западных странах в целом соглашались с известным утверждением У. Черчилля, назвавшего самый разрушительный в истории вооруженный конфликт «ненужным»¹. Подобное видение предполагало, что беспрецедентный по масштабу вызов безопасности со стороны нацизма подводил национальные интересы всех противостоявших Германии держав под общий знаменатель, и тот факт, что ее так и не удалось сдержать, объясняется простой недалекостью и некомпетентностью политиков, стоявших во главе государств-хранителей статус-кво. В 1960-е гг. британский историк А.Дж.П. Тейлор и его последователи (так называемые ревизионисты) попытались опровергнуть эту логику, заявив, что в стратегическом плане никакой экзистенциальной угрозы со стороны А. Гитлера, способной вдохновить всех его противников общей задачей сдерживания, не исходило, а цели, которые он ставил перед собой после 1933 г., принципиально не расходились с тем, чего ранее добивались О. Бисмарк и Вильгельм II².

Критика идей ревизионистов задала вектор развития историографии причин Второй мировой войны в последней трети XX — начале XXI в. Полемика, развернувшаяся между сторонниками Тейлора и их оппонентами, оказалась плодотворной³. Современные исследователи в основном согласны с тем, что Гитлер действительно реализовывал задачу достижения глобального доминирования Германии через утверждение нацистской идеологии в мировом масштабе, однако был вынужден играть по общим для всех правилам стратегии, что делало картину международных отношений в 1930-е гг. далекой

¹ Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1. Boston, 1986. P. XIV.

² Martel G. The Revisionist as Moralist. A.J.P. Taylor and the Lessons of European History // The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians. London; New York, 1999. P. 1–12.

³ Adamthwaite A. Historians at War. The Origins of the Second World War: An International Perspective / Ed. by F. McDonough. London; New York, 2011. P. 507–522.

от черно-белой⁴. Дискуссия обозначила и еще одну ключевую проблему: реконструируемые историками интересы и намерения основных международных игроков в условиях предвоенного десятилетия могли выглядеть принципиально иначе. Субъективное восприятие великими державами друг друга создавало сложные карты промежуточных целей, угроз и рисков, определявшие действия политиков в Берлине, Риме, Париже, Лондоне, Москве.

«Кривое зеркало» внешнеполитического реализма

В большом массиве разнообразной литературы, посвященной теории принятия внешнеполитических решений, выделяется тезис, не вызывающий принципиальных споров: любой демарш государства на международной арене рационален лишь в известной степени⁵. Как выразились авторы одного из крупных исследований данной темы, субъекты процесса принятия внешнеполитических решений и условия, в которых этот процесс разворачивается, «оказывают друг на друга конституирующее воздействие» (*mutually constitutive*)⁶. Иными словами, в международных отношениях не существует тех неизменных координат, отталкиваясь от которых политик мог бы рационально спланировать свои шаги. Более того: среда, в которой он оперирует, трансформируется в зависимости от того, какой ее видят субъекты и какие действия совершают. Как следствие, объективная картина международных событий фрагментируется, распадаясь на множество образов, соответствующих системам ценностей и моделям стратегического поведения вовлеченных в них игроков.

Как показал Р. Джервис в своем фундаментальном исследовании проблемы восприятия в международной политике, их «структуры верований» подвержены множеству воздействий. Действующие субъекты, как правило, убеждены в том, что вынашиваемые ими намерения прозрачны, и партнеру «достаточно представить, что бы он сам сделал в данных обстоятельствах, чтобы знать, что сделает

⁴ Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2019. С. 15–23.

⁵ Janis I. L., Mann L. Decision making: a psychological analysis of conflict, choice, and commitment. New York, 1977; Neustadt R.E., Mintz A., DeRoquen Jr K. The Rational Actor Model // Understanding Foreign Policy Decision Making. Cambridge, 2010. P. 57–67; Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М., 2004; Кочетков В.В. Концептуальные подходы и теоретические модели процессов принятия внешнеполитических решений: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2008. № 3. С. 100–113; Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М., 2022.

⁶ Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J. Norms, Identity, and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Ed. by P.J. Katzenstein. New York, 1996. P. 40.

другой в аналогичных условиях»⁷. При этом высокий динамизм современной внешнеполитической конъюнктуры не оставляет принимающим решения лицам времени для рефлексии. Необходимость «экономно» объяснять происходящие события и искать «короткий путь к рациональности» заставляет их всё больше полагаться на имеющееся у них «предзнание» о партнере. В то же время само это «предзнание» зачастую субъективно, так как основано на целом ряде априорных гипотез, которые в свою очередь отсылают не к реальным намерениям партнера, а к наиболее удобному для субъекта объяснению его прошлых действий, и подвержены эффекту «когнитивного замыкания», когда первая же интерпретация события становится основополагающей на будущее⁸.

Вплоть до конца XIX в. европейский концерт держав функционировал на понятных основаниях, которые во многом воспроизводили традиционные подходы — идею порядка как общего блага, принцип справедливого распределения силы и влияния, представление о квазисемейной солидарности, связывающей великие державы⁹. Современный период, открывшийся Первой мировой войной, полностью порывал с этой реальностью. «Наше понимание событий XX века, — отмечает британский историк Дж. Хэслэм, — не может сводиться к простым объяснениям в духе традиционной политики баланса сил без серьезного ущерба для истины»¹⁰. Мировая война способствовала бурной идеологизации всех сфер общественной жизни, которая смела то, что еще оставалось от единой системы ценностей и ориентиров великих держав.

Главное, что подверглось пересмотру в результате Первой мировой войны, — это категория национального интереса, игравшая роль несущей конструкции в европейском концерте. Размах боевых действий и огромные потери девальвировали ее. Единственной рациональной целью внешней политики стало видеться сохранение мира любой ценой. Произошла важная инверсия, о которой пишет американский международник Э. Люттвак: «Попытки проецировать прямолинейную логику в область конфликта в поисках совместных решений, основанных на здравом смысле, предпринимаются весьма часто. Если мы хотим мира, почему просто не жить в нем? Если мы согласны с тем, что оружие дорого и опасно, почему просто не

⁷ Джервис Р. Указ. соч. С. 164.

⁸ Там же. С. 273–394.

⁹ Schroeder P.W. The Transformation of European politics, 1763–1848. New York, 1994. P. 8–9.

¹⁰ Haslam J. The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II. Princeton; Oxford, 2021. P. VIII.

разоружиться?»¹¹. Межгосударственные отношения предполагалось заключить в жесткие рамки институтов, сведя к нулю их конфликтное начало. Кроме того, произошло глубокое переосмысление политики сдерживания в качестве формы поддержания международной стабильности. Практика заключения взаимообязывающих военно-политических альянсов, автоматически приводящихся в действие в случае наступления *casus foederis*, была признана неэффективной и потенциально опасной для дела мира¹².

Новые подходы к политике безопасности имели свое объяснение в свете шока Первой мировой войны, однако основывались на эмпирически непроверенной презумпции того, что конфликтная природа международных отношений является результатом инерции прошлого, а цели основных мировых игроков, представшие в новом свете после 1918 г., в принципе дополняют друг друга. Проекция логики с позиции здравого смысла на сферу международных отношений вела к эрозии стратегического мышления как интеллектуальной основы процесса принятия внешнеполитических решений, который, будучи жестко вписан в рамки институционального взаимодействия, терял гибкость, особенно важную в периоды нестабильности. После 1933 г. вызов становился всё более очевидным. Поиск практического, а не умозрительного ответа на него требовал перехода к стратегическому планированию возможного конфликта, что, помимо признания высокой вероятности новой войны, которое само по себе переворачивало все прежние расчеты, означало реабилитацию политики коалиционного строительства и целесообразность выстраивания отношений с единственной страной на континенте, способной по своему потенциалу противостоять немцам на поле боя.

Специфику советско-западных отношений в десятилетие накануне Второй мировой войны целесообразно рассматривать через французскую «линзу». Именно советско-французский тандем играл роль единственного эффективного противовеса германскому экспансионизму в Европе: любые другие комбинации не имели для этого необходимой совокупной мощи. В отличие от советско-британских, советско-французские отношения в 1930-е гг. отличались в целом высокой степенью интенсивности, а достигнутые между двумя странами договоренности были закреплены в нескольких крупных соглашениях. Именно от взаимопонимания между Москвой и Парижем

¹¹ Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. М., 2012. С. 271.

¹² Магадеев И.Э. Первая мировая война и тренды европейской истории XX века. М., 2021. С. 66.

зависели перспективы сдерживания гитлеровского экспансионизма, которые в итоге не реализовались. В историографии этот парадокс часто объясняется противопоставлением глубинных интересов двух стран, которые, как утверждается, лишь использовали фактор германской угрозы для решения иных внешне- и внутривосточных задач¹³. Изучение особенностей взаимного восприятия Советского Союза и Третьей республики на основе опубликованных и новых архивных документов позволяет посмотреть на проблему под другим углом зрения.

**«Мы не может говорить о таком же сближении
с Россией, как, например, с Англией...»**

Отношения СССР и Франции на протяжении всего межвоенного периода развивались в тени двух войн, имевших экзистенциальное значение для судеб этих стран — Первой мировой, едва не приведшей к краху Третьей республики, и Гражданской, в огне которой выковалось само советское государство. Уже одно это обстоятельство сильнейшим образом преломляло восприятие Москвой и Парижем целей и намерений друг друга. Р. Джервис не ошибался, когда утверждал: «В силу драматического и всепроникающего характера войны и ее последствий, связанный с ней опыт предшествовавших дипломатических усилий, методы боевых действий, сформировавшиеся союзы и то, чем война завершилась, будет глубоко влиять на предрасположенности большинства граждан»¹⁴.

Обстоятельства, приведшие Российскую империю к военно-политическому краху в 1917 г., играли для Парижа ключевую роль в восприятии Советского Союза. Успехи СССР в создании промышленного потенциала в годы первых пятилеток, качественный и количественный рост Красной Армии (РККА) отходили на второй план перед болезненной памятью о катастрофе императорской армии, сепаратном Брестском мире и последовавшим за ними разрушением всего здания российской государственности. Уверенность в том, что Советский Союз является рыхлым и внутренне нестабильным политическим образованием, не готовым к участию в масштабном вооруженном конфликте, разделялась широкими кругами общественного мнения¹⁵, а также большей частью военно-политической элиты.

¹³ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976; Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М., 2009.

¹⁴ Джервис Р. Указ. соч. С. 458.

¹⁵ Caillé S. La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique. Paris, 2017. P. 213–246.

С конца 1920-х гг. до 1931 г. именно этот посыл являлся ключевым в донесениях первого посла Франции в Москве Ж. Эрбета¹⁶. Его преемники в основном были настроены конструктивно в отношении перспектив двустороннего сотрудничества, но и они находились под влиянием прошлого.

Ш. Альфан, посол в 1933–1936 гг., будучи одним из энтузиастов советско-французского сближения, тем не менее, признавал, что недавний опыт краха империи многое говорит о политической незрелости российского общества, которое исторически «никогда не управляло само своим развитием», доверяя решение этой важнейшей задачи иностранцам¹⁷. Этот тезис активно отстаивал и первый военный атташе Франции в Москве полковник Э. Мандрас. По мнению военного, опиравшемся на оценки целого ряда французов, не первый год проживавших в СССР, в начале 1930-х гг. советская власть переживала «наиболее острый кризис из всех, с которыми ему доводилось сталкиваться»¹⁸, и сама целесообразность налаживания каких-либо устойчивых контактов с Советами зависела от того, насколько дееспособным окажется их режим¹⁹. Преемник Ш. Альфана Р. Кулондр, не считая внутривнутриполитический катаклизм в СССР наиболее вероятной перспективой развития событий, одновременно указывал на то обстоятельство, что динамика, запущенная революцией, всё еще поддерживает центробежные процессы, с которыми пытается бороться И.В. Сталин²⁰.

В том же духе высказывались участники французских военных миссий, посетивших Советский Союз. Современное техническое оснащение Красной Армии производило на них впечатление, но не снимало опасений того, что в критически важный момент русские вновь не выдержат напряжения индустриальной войны на протяженном фронте. Генерал Л. Луазо, участвовавший в учениях войск Белорусского военного округа в 1935 г. и в целом одобрявший со-

¹⁶ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее — AMAE). Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 959. Note sur les relations entre l'URSS et les « Puissances capitalistes », le 26 mars 1931; 962. L'Ambassadeur de la République Française à Moscou à M. Aristide Briand, le Ministre des Affaires Etrangères. Entretiens avec M. Litvinov. 26 février 1930.

¹⁷ Documents diplomatiques français (1932–1939) (далее — DDF). 1^e série (1932–1935). T. IV. Paris, 1968. P. 427.

¹⁸ Archives du Service Historique de la Défense — Département de l'Armée de Terre (далее — SHD-DAT). 7N 3121. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte rendu de séjour. Période de 25 avril au 5 mai 1933.

¹⁹ Ibid. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre. 14 août 1933; *Bach A.* Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d'Histoire. Université de Paris I Panthéon-Sorbonne, Paris, 1981. P. 77.

²⁰ DDF. 2^e série (1936–1939). T. IV. Paris, 1967. P. 363–365.

трудничество с СССР, опасался, что на полях сражений РККА могла столкнуться с той же проблемой, что и царская армия в 1914–1917 гг.: приток миллионов призывников из крестьянской среды неизбежно снизил бы ее боевые качества и подорвал бы ее лояльность режиму²¹. Институт комиссаров ассоциировался у французских офицеров с идеологизацией вооруженных сил, которая не только сыграла роковую роль в недавней истории России, но и угрожала единству французской армии в 1917 и 1919 гг.²²

Воображаемая внутренняя неустойчивость СССР, как полагали в Генеральном штабе сухопутных войск Франции, делала его даже менее ценным союзником, чем Польша, чья армия, «в отличие от русской, будучи теснее связанной с живыми силами страны, была способна поддерживать долговременные [военные] усилия» и тем самым представляла собой более важный актив с точки зрения коалиционного взаимодействия²³. Л. Блюм, председатель правительства Третьей республики в 1936–1937 и в 1938 гг., впоследствии признавал: «В глубине души Генеральный штаб был убежден в том, что польские вооруженные силы превосходят советские или, по крайней мере, могут быть нам более полезны, за исключением, пожалуй, авиации»²⁴.

Вместе с тем, весь набор клише, в свое время связанный в массовом сознании французов с царской Россией, но до определенного момента скрывавшийся за образом могущественного «парового катка»²⁵, отнюдь не исчез с приходом к власти большевиков. Он лишь экстраполировался на новые ожидания, выросшие из опыта революции 1917 г. Рассуждениями о несовершенстве славянского культурного типа наполнены страницы французских дипломатических и военных документов за 1930-е гг. В сентябре 1933 г. Ш. Альфан писал о склонности славян к внешним эффектам в ущерб практической работе. Тогда же мыслями о «сверхчувствительной славянской психологии», неустойчивой и подверженной эмоциональным срывам²⁶, обменивались военный атташе Э. Мандрас и его корреспондент

²¹ SHD–DAT. 7N 3183. Général Loizeau. Impressions retirées du séjour aux manœuvres de l'URSS. 6 octobre 1935.

²² Ibid. 7N 3184. Compte-rendu du stage effectué en Russie par les commandants Bourcart et Bierre, et le capitaine Le Gouest, juillet–septembre 1937.

²³ Ibid. 7N 3131. Note sur les avantages et les inconvénients de l'alliance russe. 24 avril 1935; Alexander M.S. *The Republic in Danger. General Maurice Gamelin and the politics of French defence, 1933–1940*. Cambridge, 1992. P. 282–286.

²⁴ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945. Vol. 1. Paris, 1951. P. 128.

²⁵ *Cœuré S.* Op. cit. P. 20–41.

²⁶ *Lattre de Tassigny J., de.* Ne pas subir. Écrits 1914–1952. Paris, 1984. P. 148.

в Париже подполковник Ж. де Латр де Тассиньи, один из главных моторов сближения между СССР и Францией в военной сфере.

В 1936 г. французский офицер, стажировавшийся в артиллерийском полку РККА, с явным раздражением комментируя внедренные в нем подходы к военному обучению, упоминал об «отсутствии чувства меры, свойственном славянам»²⁷. Другой французский стажер годом ранее, развивая тезис о неспособности русской армии вести современную войну, писал: «Есть одно качество, которое испокон веков отсутствует у русских и которое им будет трудно приобрести: это естественная энергия, которая делает возможным долговременное усилие. В той спартанской атмосфере, которая у них сегодня в чести, еще видны следы традиционной славянской беспечности, любви ко сну, вкуса к праздности, недовольства перед необходимостью в чем-либо торопиться»²⁸. «Славянский дух» у французов неизменно ассоциировался с хаосом и анархией, что побуждало, например, Э. Мандраса и Р. Кулондра оправдывать самые жесткие шаги сталинского режима, направленные, как они полагали, на укрепление начал государственности²⁹, которые, впрочем, не имели ничего общего с западной традицией.

Французские дипломаты и военные смотрели на Советскую Россию как на страну преимущественно восточную. Э. Мандрас, подбирая аргументы в пользу продолжения переговоров с Москвой, напоминал своему руководству в Париже: «Как и все народы Востока, русские имеют развитую склонность к торговле и глубоко усвоенную привычку маневрировать»³⁰. Советский режим он описывал как типичную восточную деспотию, в которой властвует «суровое божество», «идол, вскормленный человеческими жертвами» — коммунистическая партия, а ее «жрецом» является Сталин³¹. В разгар напряженной дипломатической игры летом 1939 г. французский МИД, напутствуя отправлявшуюся в Москву военную миссию во главе с генералом Ж. Думенком, рекомендовал ее участникам «ни в коем случае не игнорировать специфику восточного характера

²⁷ SHD-DAT. 7N 3184. Rapport du chef d'escadron Eon du 163e Régiment d'artillerie concernant le stage qu'il a effectué en URSS du 16 juillet au 1 septembre 1936.

²⁸ Ibid. 7N 3183. Rapport du chef d'escadron Dion du 28e régiment d'artillerie divisionnaire sur son stage au 2e régiment d'artillerie divisionnaire soviétique (août-septembre 1935).

²⁹ Ibid. 7N 3121. Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933; DDF. 2^e série (1936-1939). T. IV. P. 714-715.

³⁰ Цит. по: *Bach A.* Op. cit. P. 176.

³¹ Ibid. 7N 3122. Le Lieutenant-Colonel Simon, Attaché Militaire à Moscou à Monsieur le Ministre de la Guerre, à l'état-major de l'armée (2e Bureau). Voyage à Transcaucasie. 9 décembre 1935.

русских»³². К началу Второй мировой войны в умах французской элиты вполне сложилось убеждение, что СССР является «неевропейским» по своей сути политическим образованием, само ведение диалога с которым затруднительно³³.

Память о событиях 1917–1919 гг. заставляла французов действовать «от противного»: не допускать сближения, которое могло бы «инфицировать» Францию коммунистической идеологией, и предотвращать советско-германское соглашение, напомилавшее о Брестском мире, едва не стоившем Парижу победы в Первой мировой войне. Эта «политика ночной лампочки» (выражение М.М. Литвинова)³⁴, лишь слабо подсвечивавшая двусторонние отношения, не имела конструктивного наполнения, но оно долгое время и не мыслилось как возможное: на Советы смотрели как на чуждую в политическом, идеологическом и культурном смысле силу, с которой в принципе отсутствуют точки пересечения интересов. Э. Мандрас откровенно высказывался на страницах своей переписки в 1934 г.: «Из того факта, что Россия — это коммунистическая страна, для нас, французов, следует, что мы не можем говорить о таком же сближении с ней, как, например, с Англией... Я часто с тревогой задаюсь вопросом о том, сможем ли мы вообще когда-нибудь договориться о чем-то серьезном с людьми, настолько далекими от нас»³⁵.

Однако главные трудности начинались тогда, когда международная обстановка сделала сохранение подобного отстраненного подхода невозможным. Потребность в эффективном диалоге с Москвой предполагала активную политику, основанную на правильной расшифровке намерений партнера, и как следствие — переоценку прежних воззрений, базировавшихся на опыте двадцатилетней давности. Но французы оказались в плену стереотипов. В Париже на протяжении 1930-х гг. предпочитали не рассматривать всерьез мысль о том, что у Москвы может иметься собственная активная позиция в отношении европейских военно-стратегических раскладов. И аппарат посольства, и военный атташат разделяли мнение о том, что внешняя политика СССР пассивна в силу внутренней слабости советского государства. Многочисленные свидетельства серьезной трансформации СССР, включая создание в стране мощной промыш-

³² DDF. 2^e série (1936–1939). T. XVII. Paris, 1984. P. 597–598.

³³ Dessberg F. L'Union soviétique où l'impossible allié (1922–1941) // Les Européens et la guerre / Sous la dir. de F. Dessberg, C. Malis, I. Davion. Paris, 2013. P. 95–96.

³⁴ Carley M.J. Stalin's Gamble. The Search for Allies against Hitler, 1930–1936. Toronto; Buffalo; London, 2023. P. 39.

³⁵ Цит. по: Bach A. Op. cit. P. 184–185.

ленной базы, не игнорировались, но откладывались в сторону как несущественные. «Отказ от нежелательной информации чаще всего происходит, когда нет стимулов к точности»³⁶: Советы, с точки зрения французской дипломатии, являлись не тем игроком, ради сближения с которым стоило пересматривать устоявшиеся подходы и тратить на это политические и организационные ресурсы.

Ж. де Латр де Тассиньи, Э. Мандрас и Ш. Альфан убеждали военно-политическое руководство Франции, что Россия напугана ростом германского экспансионизма и ищет не просто помощь в его сдерживании, а ту страну, которая вместо Германии возьмет на себя роль ее проводника в западный мир³⁷. Р. Кулондр в 1938 г. развивал встречавшийся и у его предшественников тезис о том, что миролюбие советской внешней политики является прямым следствием нестабильности сталинского режима³⁸. Отсюда вытекал желаемый вывод: СССР в любом случае встроится в курс западных держав, направленный на сохранение статус-кво. Идея того, что сохранение мира является безусловным императивом международных отношений, которая сформировалась в западном интеллектуальном поле под влиянием тяжелого опыта войны 1914–1918 гг., по умолчанию использовалась для объяснения поведения страны, имевшей принципиально иной стратегический «бэкграунд».

Взгляд из осажденной крепости

Для России Первая мировая война, формально завершившись в марте 1918 г., сразу перетекла в ожесточенный гражданский конфликт, из которого вырос новый общественный строй. Это обстоятельство смещало фокус восприятия этой войны людьми, которые в условиях стабильного политического процесса не имели шансов оказаться у власти. Война интерпретировалась не как факт истории, из которого необходимо сделать выводы и оставить его в прошлом, а как модельная ситуация для развития международных отношений. Р. Джервис в этой связи отмечает: «То, как они захватили столь значимую для них власть, повлияет на концепции и стратегии, которые они позже применят к управлению своей страной и общению с миром»³⁹. Невосприимчивость мышления большевистских лидеров к фактору изменчивости внешних условий, взгляд на политику как

³⁶ Джервис Р. Указ. соч. С. 588.

³⁷ *Lattre de Tassigny J. de*. Op. cit. P. 141–142; SHD–DAT. 7N 3121. *Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933*; DDF. 1^e série (1932–1935). T. IV. P. 427–430.

³⁸ DDF. 2^e série (1936–1939). T. IX. Paris, 1974. P. 392.

³⁹ Джервис Р. Указ. соч. С. 453.

статичное состояние⁴⁰ закрепляли это особое отношение к войне, из которого вытекало два важных следствия. Во-первых, конфронтация, принимающая разные формы, но остающаяся бескомпромиссной, считалась нормальным состоянием международных отношений. Во-вторых, расклад сил в ней виделся неизменным: Советская Россия против империалистических держав, выступающих в блоке или по отдельности.

В то время как Запад в рамках системы коллективной безопасности делал ставку на создание таких условий международного развития, при которых война окажется невозможной, а мир превратится в естественное положение дел, в Москве жили в постоянном предчувствии столкновения со старыми врагами и строили свою политику, исходя из этого. В 1920–1930-е гг. она принимала различные формы, но сам этот подход заставлял советских лидеров мыслить стратегически — в категориях оттягивания конфликта ради подготовки к нему, разделения и ослабления потенциальных противников, укрепления военной мощи. Этот язык в принципе не совпадал с тем, на котором в те годы изъяснялась западная дипломатия. При этом советское руководство полагало, что владеет истинным знанием о том, в каком направлении движется мир, и понимает мотивы действий империалистов лучше, чем они сами⁴¹. Р. Джервис пишет о том, что осознание государством внешнеполитических реалий «фильтруется через эгоцентризм»⁴². В случае с СССР, который осмыслял себя в качестве единственного в мире оплота социализма, это обстоятельство играло особую роль и усугубляло эффект «туннельного зрения».

В случае с Францией, которую в Москве по крайней мере до 1935–1936 гг. считали военно-политическим лидером Западной Европы⁴³, подобное мировоззрение играло особую роль. Третья республика присутствовала при рождении социалистического государства как один из ключевых антигероев — враг коммунистической идеологии и инициатор иностранной интервенции. Марксистско-ленинское восприятие французской буржуазной демократии традиционно отличалось рядом особенностей. В представлении В.И. Ленина во Франции власть «крупной буржуазии», которую олицетворяло собой любое правое или правоцентристское правительство, всегда являлась оборотной стороной господства «клерика-

⁴⁰ Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М., 2001. С. 117–123.

⁴¹ Berlin I. The Soviet Mind. Russian Culture under Communism. Washington, 2004. P. 91–92.

⁴² Джервис Р. Указ. соч. С. 389.

⁴³ Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. London, 1984. P. 16.

кально-феодальной реакции»⁴⁴. Идеологически окрашенный образ реакционно-милитаристской Франции проник и в пропаганду: именно через фигуру военного советские карикатуристы зачастую отображали актуальные внутри- и внешнеполитические реалии Третьей республики⁴⁵.

Парламентская демократия и многопартийная система виделась лишь ширмой для господства военного режима, который определял тот курс, которым следовали буржуазные политики. Перспектива потенциального «бонапартистского переворота», угрожавшего центристским и левоцентристским правительствам, никогда не сбрасывалась со счетов. С.И. Венцов, первый военный атташе СССР во Франции, в своих отчетах руководству представлял картину всевластия Генштаба армии и лично его начальника М. Вейгана⁴⁶. Генерала считали ставленником «иезуитской клики», под влиянием которой якобы находился весь французский генералитет⁴⁷, и едва ли не серым кардиналом парижской политики, менявшим министров по своему усмотрению и руководившим «планом генштабов» — общеевропейским заговором, предусматривавшим «ликвидацию мирового кризиса путем интервенции против СССР»⁴⁸.

В поведении Москвы явно прослеживалась «тенденция оценивания другой стороны централизованной и макиавеллистской»⁴⁹. Как позже писал философ И. Берлин, анализируя советский взгляд на британскую политику, «они [Советы] предполагают, что каждый спонтанный шаг британцев является частью какой-то долгосрочной схемы: если это не так, утверждают они, то как Британия могла приобрести такую мощь?»⁵⁰. То же самое можно сказать и применительно к советско-французским отношениям: как считалось, политические партии, стоявшие во главе Третьей республики, различались по своим взглядам на перспективы диалога с СССР, но все они были в большей или меньшей степени антисоветски ориентированы. Базовая установка оставалась неизменной: сотрудничество с Францией подчинялось логике использования межимпериалистических противоречий для более эффективной подготовки к войне.

⁴⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 22. М., 1968. С. 293.

⁴⁵ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 217, 222–223.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 432. Л. 131–139.

⁴⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 500. Л. 4 об; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 70. Л. 10 об.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 65–70.

⁴⁹ Джервис Р. Указ. соч. С. 530.

⁵⁰ Berlin I. Op. cit. P. 91.

В глазах советского военно-политического руководства архитектура двусторонних взаимоотношений с Парижем накануне Второй мировой войны выглядела достаточно ясной: Германия превращалась в угрозу безопасности обеих стран, что создавало ситуативную общность целей с французами при сохранявшихся фундаментальных разногласиях. Купирование военной угрозы сначала достигалось за счет молчаливого согласия сторон не вступать в отдельные переговоры с Германией, затем (после 1935 г.) — путем ограниченного сближения в военно-политической сфере, вплоть до заключения военной конвенции. В основе этого маневрирования, по мнению Москвы, лежала задача балансирования ради создания наиболее благоприятных условий вступления в будущий вооруженный конфликт. Именно с этой точки зрения И.В. Сталин воспринимал саму политику коллективной безопасности, видя в ней возможность сорвать гипотетическое создание антисоветского империалистического блока, а впоследствии — прообраз инструмента совместного силового сдерживания агрессора. Подобный подход резко диссонировал с реальным целеполаганием французской дипломатии.

В его расшифровке Москва допустила ряд ошибок. Философия коллективной безопасности, выросшая из западного опыта участия в Первой мировой войне, осталась в Кремле не прочитанной. Свою трактовку И.В. Сталин образно изложил в ходе беседы с лордом-хранителем печати Великобритании Э. Иденом в марте 1935 г.: «Вот нас здесь в комнате шесть человек, представьте, что между нами существует пакт взаимной помощи, и представьте, например, что т. Майский (полпред СССР в Великобритании. — *А.В.*) захотел бы на кого-нибудь из нас напасть, что получилось бы? Мы все общими силами победили бы т. Майского»⁵¹. Все французские предложения о сближении позиций, поступавшие с 1931 г, воспринимались именно с этой точки зрения. Там, где Париж вел речь о подключении СССР к общеевропейскому многостороннему механизму сохранения мира на правах рядового участника, Москва видела более или менее далеко идущий стратегический замысел, предполагающий торг и взаимные обязательства. Возникла ситуация не сбывающихся ожиданий, подогревающая недоверие к партнеру, которая нагляднее всего проявилась в ходе дискуссий вокруг советско-французского пакта о взаимопомощи 1935 г.⁵²

⁵¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. XVIII. М., 1973. С. 248.

⁵² *Вершинин А.А.* В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935 гг.) // *Российская история.* 2022. № 5. С. 177–195.

И.В. Сталин и его окружение, а в известной степени и нарком иностранных дел М.М. Литвинов, в целом занимавший наиболее благосклонную позицию в вопросе сближения с Западом, упускали из внимания фактор противоречивости внешней политики Франции, слабо разбираясь в тех внутренних сложностях, с которыми в 1930-е гг. сталкивалась Третья республика. «Если государство, — пишет Р. Джервис, — не выделяет дополнительных ресурсов, чтобы обрести картину внутренних проблем, бюрократических структур и фракций другого государств — то есть налицо недооценка значимости внутреннего конфликта, — это снижает действенность попыток повлиять на политику другого»⁵³. Поставляемая советской разведкой информация о положении дел во Франции ориентировалась на те запросы, которые имелись в Кремле, в частности в подробностях освещала нереальную на деле перспективу профашистского военного путча и вхождения Парижа в фарватер политики Берлина⁵⁴. Попытки же повлиять на внутривнутриполитические расклады в Третьей республике носили эпизодический характер и сводились в основном к выстраиванию особых отношений с отдельными фигурами. Идея создания Народного фронта, сформулированная французскими коммунистами в 1934–1935 гг., была осторожно и с большой долей скепсиса встречена в Москве⁵⁵. Несмотря на особое мнение наркомата иностранных дел и парижского полпредства, полагававших, что советская дипломатия должна иметь контакты во всех политических средах и стараться воздействовать на них, системной работы здесь не проводилось.

Сказывалось и несовпадение культур дипломатического взаимодействия. Представители СССР избегали ситуации, при которой могло сложиться впечатление, что они больше, чем визави, заинтересованы в его успешном результате. Советская позиция излагалась лишь в самых общих чертах, после чего вся инициатива переходила к партнерам, которым предоставлялась возможность доказать серьезность намерений путем четкого формулирования собственных обязательств⁵⁶. В ситуации, когда французские переговорщики, принимая во внимание институциональные ограничения системы коллективной безопасности, отдавали предпочтение обще-

⁵³ Джервис Р. Указ. соч. С. 544.

⁵⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 534–535, 541, 652–653.

⁵⁵ Haslam J. Op. cit. P. 55–59.

⁵⁶ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). СПб., 2000. С. 30.

му зондажу, стремились опосредовать договоренности параллельными соглашениями, а иногда и дезавуировали собственные слова «даже при стенографистах»⁵⁷, возникал коммуникационный тупик. Постепенно складывалась ситуация, которую Р. Джервис называет «иллюзией несовместимости»: она имеет место, «когда непоследовательная политика другого воспринимается скорее двуличием, чем путаницей»⁵⁸.

Упущенный шанс

Вместе с тем, уже в 1936 г. распад системы коллективной безопасности и деградация международных отношений в Европе достигли той степени, когда война из умозрительной и больше теоретической опасности превратилась в реальную угрозу. Одновременный запуск программ перевооружения в Великобритании и Франции говорил о том, что западные столицы отдают себе в этом отчет, но глубокого переосмысления старых подходов не произошло. Дипломаты по-прежнему исходили из того, что возвращение к сдерживанию лишь приблизит войну. В 1937 г. у лидеров государств-хранителей статус-кво окончательно оформился замысел политики умиротворения. Он заключался в том, чтобы, чередуя тактику уступок Германии и демонстрацию силовых возможностей потенциального западного блока, выйти на компромиссный вариант территориального переустройства Центральной и Восточной Европы и тем самым сохранить мир⁵⁹.

Вдохновитель этой политики британский премьер-министр Н. Чемберлен полагал, что понимает мировоззрение Гитлера и те цели, которые тот ставит перед собой на международной арене. Они, по мнению Н. Чемберлена, не выходили за рамки восстановления законного положения Германии как великой державы. Вся программа умиротворения основывалась на допущении, что Гитлер мыслит рационально и не развяжет войну, которую не сможет выиграть. В этом заключалось главное слабое место этой программы: в Берлине ставили перед собой гораздо более масштабные задачи создания европейской империи вооруженным путем, считали войну неизбежной и, апеллируя к положениям нацистской идеологии, не-обходимой⁶⁰. Руководство Франции относилось к планам Гитлера с

⁵⁷ ДВП СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 307.

⁵⁸ Джервис Р. Указ. соч. С. 545.

⁵⁹ Steiner Z. The Triumph of the Dark. European International History, 1933–1939. New York, 2011. P. 295–296.

⁶⁰ Туз А. Указ. соч. С. 20–23.

большим скепсисом⁶¹, однако оно находилось в той ситуации, когда изменение курса, помимо всех сложностей, связанных с дефицитом совокупной мощи для противостояния Германии, требовало слома базовых представлений о внешней политике, сложившихся после 1918 г.

«Психологическая трудность в изменении стратегии, от которой зависит столь многое»⁶², оказалась непреодолимой: между возвращением к сдерживанию Германии и встраиванием в умиротворение, которое сохраняло надежду на то, что мир удастся сохранить, не прибегая к силовой политике и коалиционному строительству, выбор был ожидаемо сделан в пользу второго варианта. Трудно не согласиться с британским историком П. Джексоном⁶³ в том, что подобное бегство от реальности лишь подстегивало агрессивность держав-ревизионистов. Международные вызовы 1936–1938 гг. очевидно требовали создания такой дипломатической комбинации, которая обеспечила бы сдерживание потенциальных нарушителей статус-кво, а в случае развязывания войны — их разгром. Иными словами, речь шла о стратегическом планировании, и здесь возникало то окно возможностей, которое позволяло сблизить советские и западные представления друг о друге. Общность целей, так или иначе, оставалась бы под вопросом, но возникала бы общность языка.

Еще зимой–весной 1938 г. Р. Кулондр с удивлением писал в МИД Франции о царившей в Москве убежденности в том, что Европа стоит на грани вооруженного столкновения: «Всё обстоит так, как будто у них есть некие материальные доказательства скорой войны. Все усилия страны напрягаются для того, чтобы встретить ее. Более того, страна уже, вероятно, вошла в предмобилизационный период»⁶⁴. В новой внешнеполитической линии Москвы посол находил свои плюсы. Он полагал, что четко обозначенная направленность действий советской стороны, пусть нацеленных не на мирное урегулирование, а на подготовку к войне, рассеивала атмосферу сомнений и двусмысленности, ранее мешавшую советско-французскому взаимодействию. Военный атташе О.-А. Палас в свою очередь предостерегал Париж, что СССР, не сумев выстроить стратегическое взаимодействие с Францией на случай войны, «вполне может

⁶¹ Réau E., *du*. Édouard Daladier, 1884-1970. Paris, 1993. P. 254.

⁶² Джервис Р. Указ. соч. С. 508.

⁶³ Jackson P. Europe: the Failure of Diplomacy, 1933–1940 // *The Cambridge History of the Second World War*. Vol. 2. Politics and Ideology / Ed. by R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge, 2015. P. 241–242.

⁶⁴ DDF. 2^e série (1936–1939). T. VIII. Paris, 1973. P. 331; T. IX. P. 554.

оставлять в запасе вариант, при котором он сыграет на двух разных досках»⁶⁵, т.е. пойдет на соглашение с Германией.

Серьезных изменений во французских подходах к Советскому Союзу, однако, не произошло. События вокруг Чехословакии в мае–сентябре 1938 г. спровоцировали кризис в советско-французских отношениях. В Москве считали, что военная опасность, созданная действиями Берлина в отношении Праги, очевидна, и на этом строили свои ожидания: уже в мае М.М. Литвинов в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне, убежденным сторонником умиротворения, предложил провести переговоры между генеральными штабами СССР, Франции и Чехословакии⁶⁶. Между тем французы, при всех колебаниях председателя Совета министров Э. Даладьё, не рассматривали военный сценарий в качестве базового, продолжая видеть в Советском Союзе периферийного игрока. «Для французов... на первом месте по важности стоял фактор внутреннего кризиса Советов, — вспоминал в мемуарах Р. Кулондр. — Он создал у них ощущение того, что СССР на данном этапе находился вне игры и заставил относиться к активизации советской внешней политики в 1938 г. как к блефу»⁶⁷.

Две картины разворачивавшихся событий столкнулись в конце сентября, когда после отказа западных столиц от условий годесбергского ультиматума Гитлера относительно Судетской области, Лондон и Париж вынуждены были приступить к военным приготовлениям, продолжая попытки урегулировать конфликт дипломатическим путем. Зондаж военным руководством Франции советской позиции 25–28 сентября, сопровождавшийся предоставлением информации о ходе французской мобилизации, создавал предчувствие поворота в политике Парижа⁶⁸. На этом фоне заключение Мюнхенских соглашений произвело в Москве крайне неблагоприятный эффект, окончательно сформировав мнение о том, что Великобритания и Франция руководствуются антисоветскими целями и потворствуют гитлеровскому экспансионизму. Объясняя суть французской политики, полпред в Париже Я.З. Суриц воспроизводил старые аргументы о злой воле «внутренней реакции», которая избегала войны, так как не

⁶⁵ SHD–DAT. 7N 3123. Le Colonel Palasse, Attaché Militaire près de l'Ambassade de France à Moscou à Monsieur le Ministre de la Défense Nationale et de la Guerre, à l'Etat-Major de l'Armée – 2e Bureau, 27 décembre 1937.

⁶⁶ Ситолс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 178–179.

⁶⁷ Coulondre R. De Staline à Hitler. Souvenirs de deux ambassades, 1936–1939. Paris, 1950. P. 147.

⁶⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1146. Л. 159–161.

желала ни победы Германии, чреватой национальной катастрофой для Франции, ни ее поражения, которое бы привело к «неслыханному повсеместному торжеству большевизма, в частности в самой Франции»⁶⁹.

Военно-стратегические предпосылки, побудившие Францию согласиться на мюнхенскую сделку, которые на деле и являлись ключевыми⁷⁰, рассматривались в Москве как вторичные, так как требовали усложнения имевшегося представления об истоках внешнеполитического поведения руководства Третьей республики и отхода от базового постулата о том, что любые процессы, происходившие в Европе без участия СССР, имели антисоветскую направленность. В предвоенной атмосфере конца 1938 г., когда ставки в международной игре резко возросли, а время начало сжиматься, рассчитывать на это не приходилось, что подтверждалось серьезным изменением взглядов М.М. Литвинова, который после Мюнхена резко ужесточил свою позицию в отношении западных столиц. В беседе с Р. Кулондром 16 октября он констатировал, что «французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами [о взаимопомощи с СССР и Чехословакией] помощь когда-либо реализовать, и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах»⁷¹.

С точки зрения французской дипломатии, пакты, заключающиеся под эгидой Лиги Наций, всегда играли роль предохранителя и не предполагали военно-стратегической составляющей. Слова М.М. Литвинова, формально справедливые, вероятно прозвучали как неуместный упрек. Тем не менее, Р. Кулондр предложил начать с Советами более открытую игру. «Туман Женевы (имеется в виду Лига Наций. — А.В.) развеялся после дуновения Германии, — писал он в МИД. — Речь больше не идет об организации пассивной помощи. Теперь мы должны знать, от кого мы можем ожидать эффективной поддержки и за кого взамен готовы воевать. Таким образом, возможно, удастся восстановить в Европе равновесие, достаточно прочное для обеспечения мира»⁷². Однако выдерживаемая французами линия на дистанцирование от Советского Союза сохранялась и после Мюнхена. В планах Генштаба сухопутных войск он по-прежнему фигурировал как второстепенная величина⁷³. В феврале

⁶⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1146. Л. 173–180.

⁷⁰ Réau E. du. Op. cit. P. 251–265.

⁷¹ ДВП СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 589–590.

⁷² DDF. 2e série (1936–1939). Т. XII. Paris, 1978. P. 278.

⁷³ Ibid. Т. XIII. Paris, 1979. P. 740.

в Москву прибыл новый посол Франции П.-Э. Наджар, у которого даже не было четких инструкций⁷⁴.

Положение дел начало быстро меняться после захвата Германией Праги, ликвидации Чехословакии и обострения германо-польских отношений. Сбой умиротворения спровоцировал поворот британской политики, которая от самоустранения от европейских дел резко перешла к заключению фактического военного союза с Францией и предоставлению односторонних гарантий странам Восточной Европы, являвшимся вероятными объектами агрессии Гитлера. Ключевые из них, Польша и Румыния, граничили с СССР и потенциально могли опереться на его колоссальные ресурсы. Позицию Москвы в ходе разворачивавшегося кризиса уже нельзя было не учитывать. Французская политика, следовавшая за британской, оказалась на развилке.

С одной стороны, стратегическое планирование будущей войны начало осуществляться *ad hoc*, в силу максимально обострившейся международной обстановки. Это почти сразу привело к изменению взгляда военных на перспективы сотрудничества с СССР. Оказалось, что проекция мощи РККА на карту боевых действий открывала неожиданно широкие перспективы⁷⁵. Аналитики Генштаба приходили к выводам, явно диссонирующим с их собственными заключениями годичной давности: «Какими бы ни были оценки мощи СССР и эффективности его поддержки, впрочем, зачастую тенденциозные и основанные на соображениях идеологического свойства, не подлежит сомнению, что экономическая помощь со стороны Советов необходима тем странам (Польша, Румыния, Турция), которым предназначено создать восточный фронт против тоталитарных государств»⁷⁶.

Р. Джервис пишет о ситуациях, «когда изменения в убеждениях актора относительно его способности справиться с опасностью сопровождались изменениями в его восприятии, что он действительно столкнулся с опасностью»⁷⁷. Весной 1939 г. опасность стала очевидной ввиду полностью выявившейся неэффективности умиротворения, что подтолкнуло французов к поиску военного ответа на вопрос обеспечения безопасности. Но в то же время императив недопущения новой войны, лежавший в основе внешней политики

⁷⁴ Ibid. T. XIV. Paris, 1980. P. 286.

⁷⁵ Catros S. La guerre inéluctable. Les chefs militaires français et la politique étrangère, 1935–1939. Rennes, 2020. P. 253.

⁷⁶ SHD-DAT. 7N 3186. Etat-Major de l'Armée, 2^e Bureau. Cooperation éventuelle de l'URSS en cas de conflit, 22 juillet 1939.

⁷⁷ Джервис Р. Указ. соч. С. 588.

Франции с 1918 г., никуда не исчез. Следовательно, войну требовалось предотвратить, противопоставив потенциальному агрессору силу. Но это означало возвращение к сдерживанию, которое, как считалось, четверть века назад уже опрокинуло Европу в тотальный конфликт. Просматривался лишь один выход из этого логического лабиринта: Гитлера надо было поставить перед перспективой такой войны, где он оказался бы в абсолютном меньшинстве, без всяких шансов на победу. Фактически предполагалось воспроизвести схему умиротворения, но на более высоком уровне конфликтности, по-прежнему рассчитывая на то, что лидер Германии будет действовать рационально.

Москве предлагалось просто присоединиться к этой комбинации. Переосмысление роли СССР в ходе разворачивавшегося кризиса не сопровождалось признанием его права на формулирование собственной внешнеполитической повестки. Старые клише временно отступили на второй план, но созданный на их основе образ продолжал диктовать шаги в отношениях с Советским Союзом. Главным и, по сути, единственным доводом, выдвигавшимся Лондоном и Парижем в ходе начавшихся в апреле переговоров с Москвой о совместном противодействии германскому экспансионизму, был тезис о том, что независимость государств Восточной Европы «должна быть первой заботой Советского Союза»⁷⁸. Стратегический интерес СССР не выводился из его собственных заявлений и демаршей, а постулировался *a priori* на основе отвлеченных представлений о том, чего следует желать Москве, исходя из ее положения якобы слабого периферийного игрока. Даже возможность того, что И.В. Сталин пойдет на соглашение с Германией, на которую ранее указывали французские дипломаты, весной–летом 1939 г. расценивалась в Париже просто как попытка шантажа западных столиц⁷⁹.

Советская сторона, как в своем докладе на XVIII съезде ВКП (б) вновь заявил И.В. Сталин, исходила из того, что война в Европе фактически уже идет. Эта констатация означала, что переговоры могут вестись лишь о том, как создать наиболее выгодные условия для ее ведения. Советские предложения Парижу и Лондону от 17 апреля предполагали оформление полноценного военно-политического союза, независимого от решений Лиги Наций, который гарантировал бы безопасность стран Восточной Европы⁸⁰. Иными словами, речь шла о классическом силовом сдерживании потенциального

⁷⁸ DDF. 2e série (1936–1939). Т. XV. Paris, 1981. P. 628.

⁷⁹ Catros S. Op. cit. P. 247–248.

⁸⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. I. М., 1992. С. 284.

агрессора. Эта позиция подавалась как не предполагающая изменений, что не увеличивало шансы на успех переговоров. Мюнхен стал для Сталина модельной ситуацией того, как советскими интересами могут открыто пренебречь. Единственным способом избежать этого сценария в гораздо более опасных внешних условиях он считал жесткий нажим, о чем недвусмысленно сигнализировала отставка М.М. Литвинова с поста наркома 3 мая⁸¹. Осторожные предположения полпреда Я.З. Сурица о том, что речи о новом Мюнхене, скорее всего, не идет, и франко-британские гарантии Польше и Румынии — это не ширма для очередной сделки с агрессором⁸², были отброшены.

Посол П.-Э. Наджиар, повторяя выводы Р. Кулондра, писал в МИД о том, что агрессивные демарши Германии и Италии, продемонстрировав, что «безопасность не имеет ничего общего с диалектикой», заставляли вернуться к «альянсам классического типа, подлинная суть которых заключается в конкретных и четких военных конвенциях»⁸³. Однако отказ Парижа и Лондона от обсуждения подобного подхода в принципе обусловил тот тупик, в который зашли англо-франко-советские переговоры к концу лета 1939 г. Курс, которым в эти месяцы следовали западные столицы, во многом объясняется описанным Р. Джервисом феноменом «иррациональной когнитивной непротиворечивости», когда одна из сторон диалога «не признает компромисса между продвижением своих интересов и нанесением вреда интересам других». Поскольку она не верит, что ее политика «порождает законное недовольство, то недооценивает возникающую оппозицию и рассматривает сопротивление [своим] действиям как неспровоцированную враждебность, указывающую на агрессивные намерения»⁸⁴.

Французская дипломатия до последнего момента ставила перед собой магистральную цель добиться от Советов «подписанной бумаги»⁸⁵ ценой любых обещаний, надеясь, что одна лишь тень широкой антигерманской коалиции с участием СССР остановит Гитлера. Провал этого замысла и заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа стали для Парижа шоком. Отношения между двумя странами оказались в точке замерзания, а после вступления Франции в войну 3 сентября начали деградировать. Военно-политические элиты Третьей республики укреплялись

⁸¹ Resis A. The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-aggression Pact // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 1. P. 33–56.

⁸² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1242. Л. 83–85.

⁸³ DDF. 2e série (1936–1939). T. XVII. P. 374.

⁸⁴ Джервис Р. Указ. соч. С. 304.

⁸⁵ Réau E., *du*. Op. cit. P. 351.

во мнении, что СССР является одним из главных источников тех проблем, с которыми страна столкнулась в ходе войны. В конечном итоге дело дошло до подготовки прямого столкновения. В первые месяцы 1940 г. командование французских вооруженных сил (при весьма сдержанной позиции Великобритании) готовило операции против СССР в районе Скандинавии и Закавказья, однако разгром Франции вермахтом сделал эти планы неактуальными⁸⁶.

* * *

«Признать, что явление не может быть объяснено или, по крайней мере, не может быть объяснено без добавления к нашим убеждениям многочисленных и сложных исключений, психологически неудобно и интеллектуально неудовлетворительно»⁸⁷, — эта констатация в полной мере применима к объяснению взаимного восприятия СССР и Франции накануне Второй мировой войны. Ни одна из сторон не приложила необходимых усилий для того, чтобы понять истинные намерения своего партнера. В Москве ошибочно полагали, что владеют необходимым знанием. Руководство Франции неоднократно констатировало, что советское поведение остается для него не проясненным⁸⁸, но считало СССР в целом периферийным и слабым игроком, ролью которого в европейских раскладах можно пренебречь.

И всё же, при всей двусмысленности советской линии, она не исключала возможности политического соглашения, имеющего военную составляющую, а следовательно, позволяла создать механизм купирования очага агрессии в Центральной Европе. Французскому руководству стоило вовремя признать, что, говоря о первоочередной заинтересованности Парижа в недопущении войны, лидеры СССР не столько пытались оправдать свою мнимую слабость, сколько констатировали очевидный факт, подкрепленный самой географией. Как показали события начала 1939 г., отход от философии коллективной безопасности открывал окно возможностей для стратегического диалога, который, в свою очередь, нивелировал значение всех прежних клише и предрассудков. Именно этот сценарий в советско-западных отношениях реализовался в годы Великой Отечественной войны. Застывшие в созерцании величия Франции элиты Третьей республики заплатили полную цену за свою стратегическую слепоту.

⁸⁶ *Duroselle J.-B. L'Abime (1939–1944). Paris, 1986. P. 112–114.*

⁸⁷ *Джервис Р. Указ. соч. С. 520.*

⁸⁸ *DDF (1932–1939). 2^e série (1936–1939). T. VIII. P. 829–830; Gamelin M. Servir. Vol. 2. Paris, 1946. P. 315.*

Но их крах открыл глаза тем, кто, преодолевая собственные предубеждения, смог построить здание «Великого альянса» — Антигитлеровской коалиции.

References

Adamthwaite A. *Historians at War // The Origins of the Second World War: An International Perspective* / Ed. by F. McDonough. London; New York: Continuum, 2011. P. 507–522.

Bach A. *Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d'Histoire*. Paris: Université de Paris I Panthéon-Sorbonne, 1981. 230 p.

Belousova Z.S. *Frantsiya i yevropeyskaya bezopasnost', 1929–1939* [France and European Security, 1929–1939]. Moscow: Nauka, 1976. 418 p.

Carley M.J. *Stalin's Gamble. The Search for Allies against Hitler, 1930–1936*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2023. 640 p.

Catros S. *La guerre inéluctable. Les chefs militaires français et la politique étrangère, 1935–1939*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2020. 291 p.

Cœuré S. *La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique*. Paris: CNRS Éditions, 2017. 359 p.

Degtyarev A.A. *Prinyatiye politicheskikh resheniy* [Political Decision Making]. Moscow: KDU, 2004. 414 p.

Dessberg F. *L'Union Soviétique où l'impossible allié (1922–1941) // Les Européens et la guerre* / Sous la dir. de F. Dessberg, C. Malis, I. Davion. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2013. P. 79–96.

Dullin S. *Stalin i yego diplomaty: Sovetskiy Soyuz i Yevropa, 1930–1939 gg.* [Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe: 1930–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 319 p.

Duroselle J.-B. *L'Abîme (1939–1944)*. Paris: Imprimerie Nationale, 1986. 615 p.

Golubev A.V. “*Yesli mir obrushitsya na nashu Respubliku*”: *sovetskoye obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-ye gg.* [“If the World Tumbles on Our Republic”: Soviet Society and External Threat in the 1920–1940s]. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 381 p.

Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939*. London: Palgrave Macmillan, 1984. 312 p.

Haslam J. *The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2021. 481 p.

Jackson P. *Europe: The Failure of Diplomacy, 1933–1940 // The Cambridge History of the Second World War*. Vol. 2. Politics and Ideology / Ed. by R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 216–252.

Janis I.L., Mann L. *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice, and Commitment*. New York: Free Press, 1977. 488 p.

Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J. *Norms, Identity, and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Ed. by P.J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 33–75.

Jervis R. *Vospriyatiye i nevernoye vospriyatiye v mezhdunarodnoy politike* [Perception and Misperception in International Politics]. Moscow: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 2022. 656 p.

Ken O.N., Rupasov A.I. *Politbyuro TsK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.)* [Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Relations of the USSR with Western Neighboring States (Late 1920s–1930s)]. Saint Petersburg: Yevropeyskiy dom, 2000. 704 p.

Kochetkov V.V. *Kontseptual'nyye podkhody i teoreticheskiye modeli protsessov prinyatiya vneshnepoliticheskikh resheniy: kriticheskiy analiz* [Conceptual Approaches and Theoretical Models of Decision-Making Processes in Foreign Policy: A Critical Analysis] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 18. *Sotsiologiya i politologiya*. 2008. N 3. P. 100–113.

Luttwak E. *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 391 p.

Magadeyev I.E. *Pervaya mirovaya vojna i trendy yevropeyskoy istorii XX veka* [World War I and Trends in the 20th-Century European History]. Moscow: Aspekt-press, 2021. 253 p.

Martel G. *The Revisionist as Moralizer. A.J.P. Taylor and the Lessons of European History* // *The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians*. London; New York: Routledge, 1999. P. 1–12.

Mintz A., DeRouen K., Jr. *The Rational Actor Model* // *Understanding Foreign Policy Decision Making*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 57–67.

Réau E. du. *Edouard Daladier, 1884–1970*. Paris: Fayard, 1993. 588 p.

Resis A. *The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-Aggression Pact* // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 1. P. 33–56.

Schroeder P.W. *The Transformation of European Politics, 1763–1848*. New York: Oxford University Press, 1994. 916 p.

Sipols V.Ya. *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic Struggle on the Eve of World War II]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1989. 335 p.

Steiner Z. *The Triumph of the Dark. European International History, 1933–1939*. New York: Oxford University Press, 2011. 1222 p.

Tooze A. *Tsena razrusheniya. Sozdaniye i gibel' natsistskoy ekonomiki* [The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2019. 864 p.

Vaiskopf M.Ya. *Pisatel' Stalin* [Stalin as Writer]. Moscow: NLO, 2001. 380 p.

Vershinin A.A. *V labirinte kollektivnoy bezopasnosti: sovetskaya diplomatiya i proiskhozhdeniye sovetско-frantsuzskogo pakta o vzaimopomoshchi (1933–1935 gg.)* [In the Labyrinth of Collective Security: Soviet Diplomacy and the Origin of the Soviet-French Mutual Aid Pact (1933–1935)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2022. N 5. P. 177–195.

Поступила в редакцию
16 мая 2023 г.